

ОБРУЧАЛЬНОЕ.

Мама и Сережа долго спорили.

— Всѣ наши знакомыя дамы такъ сдѣлали,—говорила мама.—И я такъ сдѣлаю.

— Нѣтъ, мама,—возражала Сережа,—ты такъ не должна дѣлать.

— Почему я не должна, если другія дѣлаютъ?—спрашивала мама.

— Онѣ не хорошо дѣлаютъ,—спорилъ Сережа,—и я не хочу, чтобы ты это сдѣлала.

— Да это—не твое дѣло, Сережа!—говорила мама, досадливо краснѣя.

Тогда Сережа принимался плакать. Мама стыдила:

— Четырнадцатилѣтній мальчишкѣ, а плачешь, какъ оловянкѣ маленькій.

И такъ продолжалось нѣсколько дней,—все изъ-за кольца обручальнаго. Мама хотѣла его пожертвовать въ пользу раненныхъ. Говорила Сережѣ:

— Такъ всѣ дѣлаютъ. Изъ этаго большія деньги можно собрать.

Сережа настойчиво требовалъ, чтобы его мама такъ не дѣлала.

— Папа сражается, а ты его кольцо отдашь!—кричал онъ.

— Пойми, для раненыхъ,—уговаривала мать.

— Отдай что-нибудь другое, а не кольцо обручальное,—говорилъ Сережа.—Деньгами дай.

Мать пожимала плечами.

— Сережа, ты знаешь, у насъ не такъ много денегъ. Штабсъ-капитанское жалованье. — на него не раскутишься.

— Не покупай яблоковъ, накопишь побольше, чѣмъ за колечко дадутъ; да и мало ли на чемъ можно сберечь!

Спорили, спорили. Мама почему-то не рѣшалась сдѣлать по-своему, отдать кольцо,—ужъ очень горящими глазами смотрѣла на нее Сережа, когда объ этомъ заходила рѣчь.

Каждый разъ, когда мама уходила, Сережа рѣшительно говорилъ ей:

— Мама, безъ кольца не смѣй приходять.

Наконецъ, рѣшили написать отцу,—какъ онъ скажетъ, такъ и сдѣлать. Мама написала, а Сережа въ своемъ письмѣ отцу ничего о кольцѣ не писалъ: что-то скажетъ самъ папа?

Перестали спорить. Но Сережа все посматривалъ на мамини руки. Изъ гимназiи придетъ,—къ мамѣ: блеститъ колечко? блеститъ—и успокоится Сережа. Мама откуда-нибудь вернется, Сережа бѣжитъ къ ней навстрѣчу, нетерпѣливо смотритъ, какъ мама снимаетъ перчатки: блеститъ колечко? блеститъ,—и успокоится Сережа.

Прошло нѣсколько дней, пришли отвѣты изъ армии отъ Сережина отца, и Сережѣ, и мамѣ. Почтальонъ принесъ письма вечеромъ, когда сидѣла мама съ Сережею за чаемъ. Сережа свое письмо распечаталъ, а читать не можетъ: сердце бьется отъ нетерпѣнiя узнать, что въ

томъ письмѣ написано, которое мама читаетъ. Мама письмо прочла, обрадовалась, улыбнулась.

— Папа согласенъ.

Покраснѣлъ Сережа, стоитъ передъ мамою потупясь.

— Вотъ, читай самъ—говорить мама.

Сережа читаетъ:

«Насчетъ кольца дѣлай, какъ хочешь. Дѣло, конечно, не въ кольцѣ, я знаю, что ты меня любишь, ты обо мнѣ тоже знаешь, а все остальное—ерунда, не суть важно».

И дальше о другомъ.

Сережа прочелъ, улыбнулся. Спросилъ:

— Тебѣ, мама, этого достаточно?

Мама слегка повела плечомъ сказала:

— Ну вотъ видишь, папа согласенъ.

— А ты, мама, умѣешь между строчекъ читать?—спросилъ Сережа.—Невесело было падѣ тебѣ такъ писать о колечкѣ. Онъ свое носить, не снимаетъ.

Посмотрѣлъ Сережа на маму внимательно. Мама покраснѣла, но все-таки спорила:

— Да вѣдь согласился же папа!

— Мама, пойми,—убѣждающимъ голосомъ говоритъ Сережа,—вѣдь если и кольцо, и всякая памятная вещь—ерунда, не суть важно, то подумай, что же въ душѣ-то у человѣка должно быть! Милая была вещичка памятная,—ерунда! Хорошій былъ соборъ въ Рейксѣ,—не суть важно!

— Сережа,—строго сказала мама,—нельзя сравнивать: тамъ всенародная святыня много поколѣний.

— Мама!—воскликнулъ Сережа, перебивая ее,—то для всѣхъ свято, а это свято только для насъ, но свято, свято! Если въ каждомъ домѣ нѣтъ святого, заветнаго, такъ какъ же оно для всего народа вырастетъ, изъ чего?

Все—ерунда, не суть важно,—изъ чего же большее, ве-
ликое набоится! Ты думаешь, когда папа это писалъ,
что онъ чувствовалъ?

— Что чувствовалъ!—нерѣшительно сказала мама.

— Чувствовалъ, что я для раненныхъ...

— Нѣтъ, мама—горячо говорилъ Сережа,—очень
ему горько было. Шутливыя слова писалъ нарочно, что-
бы не показатъ тебѣ, и другимъ не показатъ. Пойдетъ въ
сражене, подумаетъ: ну, что жъ, у вдовы моего колечка
не будетъ, кто-нибудь надѣнетъ ей на пальчикъ другое.

Мама вскрикнула:

— Сережка, противный, не смѣй такъ говорить!

И заплакала горько. Сережа стоялъ передъ нею на
колѣняхъ, пѣловалъ ей руку,—гдѣ еще блестяю обру-
чальное,—и говорилъ:

— Мама, милая мы бережемъ для раненныхъ на
другомъ. Можно вмѣсто бѣлаго хлѣба ѣсть черный, не
покупай мнѣ новыхъ башмаковъ, я дома босикомъ хо-
дить буду; можно мало ли какой расходъ сократить, но
колечка не смѣй отдавать.

— Хорошо, не отдавай,—тихо сказала мама.—Толь-
ко о раненныхъ надо же подумать?

— Подумаемъ, мама—весело сказалъ Сережа.

Сберегли колечко для себя, сберегли для раненныхъ
на другомъ. Мама съ Сережею сильно сократили всѣ
свои расходы и каждый мѣсяцъ удавалось имъ не мало
отдавать на раненныхъ. Маленькая, домашняя святыня
теплизалась на вымяной рукѣ, радовала Сережу, и утѣ-
шала его за маленькія лишения. Въ уютѣ милыхъ ком-
нать босыя Сережины ноги свѣтились, какъ восковыя
свѣчи, и радовали маму.

А отцу мама и Сережа написали въ тотъ же вечеръ,
что съ колечкомъ передумали и не отдадутъ его ни за что.